

ОРСОН
СКОТТ КАРД

ИГРА ЭНДЕРА

ГОВОРЯЩИЙ⁹⁹
ОТ ИМЕНИ МЕРТВЫХ

РАССКАЗЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
К 21

Orson Scott Card
ENDER'S GAME
Copyright © 1977, 1985, 1991 by Orson Scott Card
SPEAKER FOR THE DEAD
Copyright © 1986, 1991 by Orson Scott Card
MAZER IN PRISON
Copyright © 2005 by Orson Scott Card
A WAR OF GIFTS
Copyright © 2007 by Orson Scott Card
INVESTMENT COUNSELOR
Copyright © 1999 by Orson Scott Card
RENEGAT
Copyright © 2017 by Orson Scott Card
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Barbara Bova Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Елены Михайлик, Кирилла Плешкова
Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

Кард О. С.

К 21 Игра Эндера ; Говорящий от имени мертвых ; Рассказы : романы,
рассказы / Орсон Скотт Кард ; пер. с англ. Е. Михайлик, К. Плеш-
кова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 752 с.

ISBN 978-5-389-17596-9

Фантастический цикл Орсона Скотта Карда об Эндере Виггине — зна-
ковое явление в мировой фантастике. А первый роман цикла — «Игра Эн-
дера» — абсолютный шедевр и редкий случай в истории жанра, когда роман за-
воевывает в один год две высшие премии — «Хьюго» и «Небьюла». В 2013 году
Гэвин Худ поставил по нему одноименный фильм с Харрисоном Фордом в од-
ной из главных ролей.

«Говорящий от имени мертвых» — продолжение «Игры Эндера» и пере-
осмысление итогов войны, когда стараниями Эндера люди услышали голос
своего врага, ужаснулись содеянному и прокляли имя своего спасителя.

Кард далеко вышел за рамки космического боевика, поместив в центр по-
вествования ребенка и сделав упор на становлении личности. Гениальность
и героизм своего героя писатель явил не столько в его невероятных победах,
сколько в умении оставаться человеком в нечеловеческих обстоятельствах.

Два первых романа в настоящем издании дополнены рассказами, которые
добавляют новые грани к главному повествованию этой саги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© Е. Михайлик, перевод, 1995
© К. П. Плешков, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17596-9

*Джефри,
который заставляет меня помнить,
как юны и как стары могут быть дети*

1. ТРЕТИЙ

— Я смотрел его глазами, я слушал его ушами и говорю: он тот, кто нам нужен. Настолько близок к идеалу, насколько это вообще возможно.

— Ты говорил то же самое о его брате.

— Брат не прошел проверку, его использовать невозможно. По причинам, не имеющим ничего общего со способностями.

— Как и сестру. Да и этот вызывает сомнения. Слишком податлив. Слишком охотно подчиняется воле других людей.

— Если только эти люди — не враги.

— Так что нам делать? Следить, чтобы его все время окружали враги?

— Если потребуется.

— Кажется, ты говорил, тебе нравится этот парень?

— Если он попадет в лапы жукеров... По сравнению с ними я его любимый дядюшка.

— Ладно. В конце концов, мы спасаем мир. Забирай его.

Женщина-наблюдатель мило улыбнулась, взъерошила ему волосы и сказала:

— Эндрю, по-моему, тебе ужас как надоел этот жуткий монитор. Так вот, у меня хорошие новости. Сегодня ты с ним расстанешься. Мы просто вытащим его. Это будет не больно, ни капельки.

Эндер¹ кивнул. Конечно, это была ложь — про «ни капельки». Но поскольку взрослые вали так всякий раз, когда собирались сделать ему по-настоящему больно, на данное утверждение можно было полагаться как на весьма точное описание ближайшего будущего. Иногда ложь говорит куда больше, чем правда.

— Так что ты, Эндер, просто подойди и сядь вот сюда, на стол для осмотра. Доктор выйдет к тебе через минуту.

---

¹ Искаженное имя Эндрю, а также существительное, означающее приблизительно «тот, кто заканчивает», «финалист».

Монитора больше нет. Эндер попробовал представить, каково это: на его шее больше нет маленького записывающего устройства.

«Я смогу кувыркаться на кровати, и он не будет давить. Я не почувствую, как он щекочет и нагревается, когда буду принимать душ.

И Питер перестанет ненавидеть меня. Приду домой, покажу ему, что монитора нет, и он увидит, что я тоже не прошел, снова стал обыкновенным мальчиком, совсем как он. И все сразу наладится. Он простит мне, что я носил монитор на целый год дольше его. И мы станем...

Наверное, не друзьями, нет. Питер слишком опасен, его так легко рассердить. Но братьями. Не врагами, не друзьями — братьями, которые живут в одном доме. Он перестанет ненавидеть меня, просто оставит в покое. И когда он снова захочет поиграть в жуке-ров и астронавтов, может, мне не придется присоединиться к нему, я смогу просто уйти куда-нибудь читать книжку».

Но Эндер знал, что Питер все равно не оставит его в покое. Было что-то в глазах Питера, когда на него находило это сумасшедшее настроение... И, вспоминая этот взгляд, этот блеск, Эндер точно знал: уж чего-чего, а Питер его в покое не оставит. «Я учусь играть на пианино, Эндер. Пойдем, будешь переворачивать мне страницы. А-а, мальчик с монитором слишком занят, чтобы помочь своему братцу? Он что, слишком умный? Нет, нет. Не надо мне твоей помощи. Сам прекрасно справлюсь — слышишь, ты, урод мелкий, паршивый Третий!»

— Это будет быстро, Эндрю, — сказал доктор.

Эндер кивнул.

— Монитор специально сделан так, чтобы его легко было снять. Не причиняя боли, не внося инфекции. Правда, будет щекотно, а еще некоторые люди говорят, что их потом преследует чувство, будто что-то пропало. Ты все ищешь что-то, очень хочешь найти, но не можешь и даже не помнишь, что именно ты потерял. Так вот, я скажу тебе что: ты ищешь монитор. А его уже нет. Но через несколько дней это чувство пройдет.

Доктор выкручивал что-то на загровке Эндера. И вдруг боль, как раскаленная игла, пронзила его от шеи до самого паха. Эндер почувствовал, как судорога сводит спину, как тело резко выгибается назад, — и ударился головой о стол. Он чувствовал, как ноги его бьются в воздухе, а руки сцеплены и до боли выкручивают друг друга, выгибаются арками.

— Диди! — позвал доктор. — Ты мне нужна!

Задыхаясь, вбежала сестра.

— Нужно как-то расслабить мышцы. Ко мне, быстро! Чего ты там копаешься?!

Они что-то передали друг другу — Эндер не видел что. Он рванулся в сторону и свалился со стола.

— Держите его! — выкрикнула сестра.

— Просто зафиксируй его...

— Я не смогу, доктор, он слишком силен...

— Да не вводи все сразу! У него же сердце остановится!

Эндер ощутил, как в шею, чуть выше воротника рубашки, вонзилась игла. Лекарство жгло, но всюду, куда доходил этот огонь, сведенные мышцы постепенно расслаблялись. Теперь он наконец смог заплакать от боли и страха.

— Эндрю, ты в порядке? — спросила сестра.

Эндрю не мог говорить, не помнил, как это делается. Его снова положили на стол, проверили пульс, сделали еще что-то — он плохо соображал, что происходит.

Руки доктора тряслись. Когда он заговорил, его голос тоже дрожал:

— Заставляют ребенка носить эту штуку три года — так чего ж еще ждать?! Мы могли просто выключить его, понимаешь? Взять и выключить. Навсегда отсоединить его мозг.

— Сколько будет действовать наркотик? — спросила сестра.

— Пусть лежит здесь по меньшей мере час. Смотри за ним. Если через пятнадцать минут он все еще не сможет говорить, позовешь меня. Мы ведь и в самом деле могли отключить его. Я не жукер, я не могу предусмотреть все.

Он вернулся в класс к мисс Памфри за пятнадцать минут до звонка. Он все еще не очень твердо держался на ногах.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Эндрю? — спросила мисс Памфри.

Он кивнул.

— Тебе было плохо?

Он покачал головой.

— Выглядишь ты неважно.

— Я в порядке.

— Тебе лучше сесть, Эндрю.

Он двинулся к своему месту, но через пару шагов остановился. «Что такое? Что я вообще ищущ?» Он никак не мог вспомнить.

— Твое место вон там, — подсказала мисс Памфри.

Он сел, но это было не совсем то, он искал что-то другое. Ладно, потом отыщется.

— Твой монитор, — прошептала девочка за его спиной.

Эндер пожал плечами.

— Его монитор, — шепнула она остальным.

Эндер поднял руку и ощупал шею. Там был пластырь. И больше ничего. Монитора нет. Теперь он такой, как все.

— Что, Энди, выперли тебя? — спросил мальчик, который сидел чуть впереди в соседнем ряду.

Он не мог вспомнить его имя. Питер? Нет, кто-то другой.

— Тише, мистер Стилсон, — сказала мисс Памфри.

Стилсон ухмыльнулся.

Мисс Памфри рассказывала об умножении. Эндер баловался со своим компом: рисовал контуры гористых островов, а затем приказывал компу выдать трехмерное изображение — во всех ракурсах. Учительница, наверное, заметит, что он совсем не слушает ее, но вряд ли станет его беспокоить. Он всегда знал ответ, даже в тех случаях, когда ей казалось, что он не слушает ее.

В углу компа появилось слово и, маршируя, двинулось по периметру экрана. Сначала оно было перевернуто и написано справа налево, но Эндер сумел прочесть его, прежде чем оно добралось до нижнего края экрана и встало как положено:

ТРЕТИЙ.

Эндер улыбнулся. Это он придумал, как посылать сообщения с экрана на экран и заставлять их маршировать, и, когда его тайные враги прибегали к этому методу, чтобы в очередной раз обозвать его, тем самым в действительности они его хвалили. И вообще, он не виноват, что родился Третьим. Идея принадлежала правительству, это они дали официальное добро — иначе как бы Третий навряд ли Эндера попал в школу? А теперь еще и монитор сняли. Эксперимент с кодовым названием «Эндрю Виггин» провалился. Будь у них такая возможность, они отменили бы постановление, разрешившее ему появиться на свет. Никаких сомнений. Эксперимент провалился — сотрите файл.

Прозвенел звонок. Ребята выключали компы или лихорадочно допечатывали себе напоминания на следующий день. Кто-то по Сети переписывал задания в свои домашние компьютеры. Парочка крутилась у принтера, ожидая, когда машина отпечатает нечто крайне важное для них. Эндер протянул руки над маленькой детской клавиатурой у края компа и подумал: а каково это — иметь большие руки, как у взрослого? Они должны быть такими неуклюжими, с толстыми неловкими пальцами, с мясистыми ладонями. Конечно, у взрослых и клавиатура побольше, но разве могут их толстые пальцы провести настолько правильную линию, какая по-

лучалась у Эндера, — тонкую точную линию, спираль в семьдесят девять витков от центра до края компа, и чтобы ни один завиток не перекрывал другого! Да, ему было чем заняться, пока учительница нудила про свою арифметику. Арифметика! Валентина научила его арифметике, когда ему было три года.

— У тебя все в порядке, Эндрю?

— Да, мэм.

— Ты опоздаешь на автобус.

Эндер кивнул и встал. Все ребята уже ушли. Но его будут ждать те, плохие. У него на шее уже не было монитора, который видел все, что он видел, и слышал все, что слышал он. Теперь они могут говорить что хотят. Могут даже ударить его — их больше никто не увидит, а значит, никто не придет на помощь Эндеру. У монитора были свои преимущества, ему будет их не хватать.

Конечно, заводилой оказался Стилсон. Он был не крупнее большинства, но больше Эндера. И его окружали подпевалы. Он никогда не ходил один.

— Эй, Третий.

«Не отвечай. Тебе нечего сказать».

— Эй, Третий, мы к тебе обращаемся. Третий, подстилка жуке-ров, с тобой разговаривают!

«Не могу придумать ответа. Что бы я ни сказал, это разозлит их еще больше. Ничего не скажу».

— Эй, Третий, эй, сопля, тебя вышибли оттуда, да? Думал, ты лучше нас, но потерял свою маленькую птичку, а вместо этого получил пластырь на шею?

— Вы пропустите меня или нет? — спросил Эндер.

— Мы пропустим его или нет? А что, должны? — Они просто покатывались со смеху. — Да, конечно, мы тебя пропустим. Сначала мы пропустим твою руку, потом задницу, потом, наверное, колено.

— Потерял свою пташку, Третий, потерял свою милашку, Третий, — распевали остальные.

Стилсон толкнул Эндера пятерней, а потом кто-то сзади пихнул его навстречу Стилсону.

— Туда-сюда-обратно! — выкрикнул кто-то.

— Теннис.

— Пинг-понг.

Все это добром не кончится, понял Эндер, и лучше, если не повезет кому-нибудь другому. Поэтому, когда Стилсон протянул руку, чтобы снова его толкнуть, он попытался схватить противника. Но промахнулся.

— Ух ты! Ты что, хочешь драться со мной? Хочешь драться, Тройка несчастная?

Стоявшие сзади схватили Эндера за плечи и крепко сжали.

Эндеру было вовсе не до смеха, но он все же рассмеялся:

— Тебе нужно столько помощников, чтобы побить одного Третьего?

— Мы люди, а не Третьи, жабья рожа. У тебя не хватит силенок даже пукнуть по-настоящему.

Однако они отпустили его. В ту же минуту Эндер поднял ногу как можно выше и ударил что было силы. Он попал Стилсону прямо в грудь. Тот упал. Эндер даже растерялся, так как не рассчитывал сбить противника с ног одним ударом. Ему не пришло в голову, что тот не принимал драку всерьез и не был готов к настоящему отчаянному отпору.

На мгновение остальные расступились. Стилсон лежал не двигаясь, и его дружки, наверное, гадали, уж не умер ли он. А Эндер тем временем лихорадочно соображал, как предотвратить их месть. Они ведь снова встретят его завтра всей бандой.

«Я должен победить сейчас — раз и навсегда. Или придется драться с ними каждый день, и тогда мне не поздоровится».

Эндер в свои шесть лет уже знал неписанные законы ведения войны, знал, как должен вести себя мужчина. Нельзя бить беспомощного, лежащего на земле противника. Так поступают только звери.

Но все же он подошел к неподвижному врагу и ударил его снова, ногой под ребра. Стилсон застонал и откатился в сторону. Эндер снова подошел и снова ударил его ногой — в промежность. Теперь Стилсон не мог даже стонать, он свернулся клубком, слезы градом катились из глаз.

Эндер холодно оглядел остальных:

— Собираетесь напасть все разом? Вместе вы, наверное, здорово меня побьете. Но вы должны помнить, как я поступаю с людьми, которые пытаются сделать мне больно. После того как вы меня побьете, вам останется только гадать, как именно я доберусь до каждого из вас и что из этого выйдет. — Он пнул Стилсона в лицо. Кровь из носа веером брызнула на пол. — Это будет не так, — сказал он. — Это будет хуже.

Эндер повернулся и пошел прочь. Никто не преследовал его. Он свернул за угол, в коридор, ведущий к автобусной остановке, успев при этом услышать чей-то шепот за спиной:

— Черт, ты посмотри, он весь белый...

Затем Эндер уперся головой в стену коридора и плакал, пока не пришел автобус.

«Я совсем как Питер. Стоило забрать у меня монитор, и я стал совсем как Питер».

2. ПИТЕР

— Итак, все закончилось. Как его дела?

— Когда живешь в чьем-то теле несколько лет, привыкаешь к нему. А теперь я смотрю на его лицо и не понимаю, что происходит там, внутри. Я не умею распознавать его чувства по выражению лица, я привык ощущать их.

— Кончай, мы здесь не о психоанализе толкуем. Мы солдаты, а не экстрасенсы. Ты только что видел, как он вышиб дух из жоака этой шайки.

— Он действовал очень обстоятельно. Не просто побил его, он его разбил. Как Мэйзер Рэкхем в бою при...

— Знаю, знаю. То есть, по мнению комитета, он нам подходит.

— В основном. Надо еще посмотреть, как он будет разбираться со своим братом теперь, когда у него нет монитора.

— С братом? А ты не боишься того, что его брат может сделать с ним?

— Ты сам говорил, что в этом деле мы не имеем права рисковать.

— Я снова просмотрел несколько старых записей. Ничего не могу с собой поделать — мне нравится этот парень. Боюсь, мы изуродуем его.

— Конечно. Это и есть наша работа. Мы злые ведьмы. Заманиваем детишек пряниками, а потом сьем гаденышей в печку.

— Эндер, даже не знаю, что и сказать... — прошептала Валентина, глядя на пластырь на его шее.

Эндер легко коснулся стены, и дверь бесшумно закрылась за его спиной.

— Ерунда. Я рад, что его больше нет.

— Чего нет? — Питер вышел в прихожую, дожевывая кусок хлеба с ореховым маслом.

Для Эндера Питер не был высоким, красивым десятилетним мальчиком, каким его видели взрослые, мальчиком с густыми темными спутанными волосами и лицом, которое могло бы принадлежать Александру Великому. Эндер смотрел на Питера только для того, чтобы вовремя заметить злость или скуку — опасные настроения, которые почти всегда означали боль. Как только Питер увидел пластырь, в глазах его вспыхнул многозначительный яростный огонек.

Валентина тоже заметила это.

— Теперь он такой, как мы, — сказала она, пытаясь смягчить брата, прежде чем он ударит.

Но Питера уже было не остановить.

— Как мы? Он таскал эту коробку до шести лет. Когда у тебя забрали твою? В три. Я потерял свою, еще и пяти не исполнилось. А этот гаденыш почти добился своего! Мелкий жукер!

«Хорошо, Питер, хорошо, — подумал Эндер. — Выговорись. Лучше слова, чем кое-что другое».

— Ну, теперь-то твои ангелы-хранители не следят за тобой, — сказал Питер. — Теперь им неоткуда узнать, как ты себя чувствуешь, не больно ли тебе. Они не подслушают, что я говорю, не увидят, что я с тобой делаю. А? Как считаешь?

Эндер пожал плечами.

Вдруг Питер улыбнулся и хлопнул в ладоши, изображая хорошее настроение.

— А давай поиграем в жукеров и астронавтов, — предложил он.

— Где мама? — спросила Валентина.

— Ушла, — сообщил Питер. — Я за старшего.

— Пожалуй, я позову папу.

— Зови сколько влезет. Ты же знаешь, его никогда нет дома.

— Давай, — согласился Эндер. — Давай сыграем.

— Ты будешь жукером, — предупредил Питер.

— Дай ему хоть раз побыть астронавтом, — попросила Валентина.

— Не суй свою толстую рожу не в свои дела, дурища! — огрызнулся Питер. — А ты иди наверх и выбери оружие.

Это будет нехорошая игра. И Эндер догадывался, что выиграть ему не удастся. Дети частенько играли в эту игру в коридорах, причем большими компаниями, и жукары никогда не побеждали. А еще порой игра становилась жестокой. Но здесь, в квартире, она будет жестокой с самого начала, а этот жукер не мог исчезнуть, испариться, как это делали настоящие жукары в настоящих войнах. Ему оставалось только ждать, пока астронавт не закончит игру.

Питер открыл нижний ящик своего шкафа и вытащил маску жукара. Мама очень расстроилась, когда Питер купил ее. Но встрял папа: мол, оттого, что мы спрячем все маски жукаров и запретим детям стрелять из игрушечных лазерных ружей, война не прекратится. Лучше пусть тренируются, тогда, может, сумеют выжить, когда жукары вернутся.

«Но сначала мне нужно выжить в этой игре, — подумал Эндер и надел маску, которая, будто огромная ладонь, обхватила его ли-

цо. — Интересно, а что ощущают жукары? Они ведь не носят маски, у них просто такие лица. Там, у себя дома, в своих мирах, они надевают нашу маску, чтобы поиграть? А как они называют нас? Слизняками, потому что по сравнению с ними мы такие мягкие, такие маслянистые?..»

— Ну, держись, слизняк! — выкрикнул Эндер.

Он едва видел Питера через дырки для глаз.

— Слизняк, значит? — улыбнулся Питер. — Что ж, жукары-жукары, сейчас посмотрим, как я разобью твою рожу.

Эндер не видел атаки, только понял, что Питер скользнул куда-то в сторону. Маска лишала его периферийного обзора. А потом вдруг появилась боль — его резко ударили по голове сбоку. Он потерял равновесие и упал.

— Плохо видишь, да, жукары? — рассмеялся Питер.

Эндер начал стаскивать маску. Питер поставил ногу на его промежность.

— Не смей! — приказал он.

Эндер снова натянул маску и убрал руки.

Питер надавил. Боль пронзила Эндера насквозь, и он согнулся пополам.

— Лежи ровно, жукары. Проведем-ка мы над тобой вивисекцию. Наконец-то мы взяли одного из вас живым и теперь хотим узнать, как вы устроены.

— Питер, перестань, — попросил Эндер.

— «Питер, перестань...» Прекрасенько. Значит, вы, жукары, умеете угадывать наши имена. Прикидываетесь милыми несчастными детишками, чтобы мы вас полюбили, пожалели. Но это не работает. Я знаю, кто ты такой на самом деле. Из тебя пытались вырастить человека, Третий, но на самом деле ты жукары, и теперь это видно всем.

Он убрал ногу, шагнул вперед и наклонился над братом, уперся коленом ему в живот как раз под ребрами и начал давить всем телом, сильнее и сильнее. Эндеру стало трудно дышать.

— Я могу убить тебя, — прошептал Питер. — Буду давить и давить, пока ты не умрешь. А потом прикинусь, что ничего не знал, не понимал, больно ли тебе, ведь мы просто играли, и мне поверят, и все будет в порядке. А ты умрешь. Да, все выйдет просто замечательно.

Эндер не мог говорить: в легких почти не было воздуха. Питер вполне способен на такое. Сейчас он может шутить, но в следующую секунду перейдет от слов к делу.

— Я так и сделаю, — пообещал Питер. — Что бы ты там ни думал, я абсолютно серьезен. Тебя разрешили только потому, что

я им понравился. Но я не подошел. А ты был лучше. Они думали, что ты лучше. Но мне не нужен младший брат, который лучше меня. Обойдемся без всяких там Третьих.

— Я все расскажу, — вмешалась Валентина.

— Никто тебе не поверит.

— Поверят.

— Тогда ты тоже, считай, мертва, моя милая младшая сестричка.

— О да, — усмехнулась Валентина. — Этому обязательно поверят. «Я никак не думал, что это убьет Эндрю. А когда он умер, никак не думал, что это убьет и Валентину тоже».

Давление уменьшилось.

— Хорошо. Не сегодня. Вы не всегда будете вместе. Тогда-то и произойдет несчастный случай.

— Врешь! — выкрикнула Валентина. — Ты не сделаешь ничего подобного!

— Не сделаю?

— И знаешь почему? — спросила она. — Ты мечтаешь со временем войти в правительство, хочешь, чтобы тебя туда избрали. Но что, если твои противники визнают про твоих брата и сестру, которые погибли при подозрительных обстоятельствах, когда были совсем маленькими? А они это обязательно визнают, потому что я написала письмо и оставила в городской библиотеке в своем секретном файле, который откроют в случае моей смерти.

— Дешевый блеф, — фыркнул Питер. — Не держи меня за дурака.

— Я умерла не естественной смертью, сказано там. Питер убил меня, и если он еще не убил Эндрю, то скоро это сделает. Этого недостаточно для судебного приговора, но вполне хватит для полного провала на выборах.

— Значит, теперь ты его монитор, — догадался Питер. — Что ж, хорошенько следи за ним — и днем и ночью. Никогда не оставляй одного.

— Мы с Эндером не дураки. Наши результаты не хуже твоих. А кое в чем даже лучше. Все мы невероятно одаренные чудо-деткишки. Но ты не самый умный из нас, Питер, ты просто самый большой.

— О, я знаю. Но придет день, когда ты закутишься в своих делах, забудешь обо всем — и он останется один. И ты вдруг вспомнишь, кинешься к нему, а он тут как тут, цел и невредим. В следующий раз ты уже не будешь так беспокоиться и прибежишь не так быстро. И каждый раз он будет жив и здоров. И тогда ты решишь, что я все забыл. Пройдут годы. А потом произойдет ужасный несчастный случай, и я найду его тело и буду горько рыдать

над ним. Ты, конечно, вспомнишь этот наш разговор, Вэлли, но тут же тебе станет стыдно, ведь ты будешь уверена, что я изменился, что это и в самом деле несчастный случай и что будет очень жестоко напоминать мне слова, которые я стораяча выпалил однажды в детской ссоре. Только все это будет правдой. Я сделаю это, и он умрет, и ты мне не помешаешь, ты ничего не сможешь сделать. Так что продолжай утешать себя, будто бы я просто самый большой из вас.

— Большого дерьма, чем ты, я и правда не видела, — поморщилась Валентина.

Питер вскочил на ноги и прыгнул на нее. Она увернулась. Эндер сорвал маску. Питер шлепнулся на свою кровать и захохотал. Громко, но с настоящим чувством, аж слезы брызнули из глаз.

— Ну, вы, ребята, какие же вы олухи, самые большие простаки на этой планете!

— Сейчас он скажет, что просто пошутил, — пожала плечами Валентина.

— Это не шутка — игра! Я могу заставить вас, ребята, поверить во что угодно. Могу управлять вами, как марионетками. — Голосом сказочного чудовища он прорычал: — Я убью вас, порублю на мелкие кусочки и закопаю в мусорной яме! — Он снова засмеялся. — Самые большие простаки во всей Солнечной системе.

Эндер стоял, смотрел, как он смеется, и думал о Стилсоне, о том чувстве, которое сам испытывал, когда нога врезалась в его тело. Вот кого следовало так отделать. Вот кто действительно этого заслужил.

— Нет, Эндер, — прошептала Валентина, как будто прочитав его мысли.

Питер вдруг перекатился на бок, слетел с кровати и встал в стойку.

— О да, Эндер, — пропел он. — В любое время, Эндер.

Эндер поднял правую ногу, снял ботинок, перевернул его:

— Посмотри сюда, на носок. Это кровь, Питер.

— Ох-ох! Я сейчас умру, мне конец. Эндер раздавил гусеницу и теперь собирается раздавить меня.

Ничто не могло его пронять. Питер был убийцей в душе, и никто не знал об этом, кроме Валентины и Эндера.

Мать вернулась домой и вместе с Эндером оплакала потерю монитора. Отец, вернувшись домой, весь вечер радовался: ну надо же какой прекрасный сюрприз, у них такие замечательные дети, что правительство разрешило им иметь аж троих сразу, — и более того, все останутся в семье, никого не заберут, даже Третьего... Эндер с трудом сдерживался, чтобы не заорать на него: «Да, я знаю, что

я Третий, знаю, и, если хотите, я уйду, чтобы вам не было так неловко перед всеми, пожалуйста, простите, что я лишился монитора, что теперь у вас трое детей и нет очевидного объяснения, — вам ведь так неудобно, простите, простите, простите...»

Он лежал на кровати и смотрел вверх, в темноту. Он слышал, как на матрасе над ним беспокойно ворочается Питер. Потом Питер соскользнул со своего второго этажа и вышел из комнаты. Эндер уловил журчащий звук сливаемой воды, потом силуэт Питера появился в дверном проеме.

«Он думает, что я сплю. Хочет убить меня».

Питер подошел к кровати и, конечно, не полез по лестнице к себе наверх. Вместо этого он сделал еще шаг и остановился около Эндера.

Но он вовсе не потянулся за подушкой, чтобы задушить брата. И никакого оружия у него не было.

— Эндер, ты извини меня, пожалуйста, — прошептал он. — Я знаю, каково это, пожалуйста, прости, я твой брат, и я люблю тебя.

Много позже ровное дыхание Питера сообщило о том, что он наконец заснул. Тогда Эндер сорвал с шеи пластырь. И — во второй раз за сегодня — заплакал.

3. ГРАФФ

- Сестра — наше слабое звено. Он ее по-настоящему любит.
- Знаю. Она может испортить все. Он просто не захочет оставлять ее.
- И что же делать?
- Надо убедить его, что пойти с нами он хочет больше, чем оставаться с ней.
- А как ты это сделаешь?
- Солгу ему.
- А если не работает?
- Расскажу правду. В экстренных случаях нам это разрешено. Мы ведь не можем все спланировать наперед, ты же знаешь.

Завтракал Эндер вяло. Все прикидывал, что его ждет в школе. Как они встретятся со Стилсоном после вчерашней драки. Что будут делать Стилсоновы дружки. Наверное, ничего. Но если бы знать точно! Идти в школу не хотелось.

— Ты не ешь, Эндрю, — заметила мать.

В столовую вошел Питер:

— Доброе утро, Эндер. Спасибо, что оставил свою намыленную мочалку прямо посреди душевой.

— Только ради тебя, — пробурчал Эндер.

— Эндрю, ты должен что-нибудь съесть.

Эндер протянул вперед руки, сомкнутые в запястьях. Жест означал: вам придется кормить меня внутривенно.

— Очень смешно, — сказала мать. — Я пытаюсь как лучше, но мои гениальные детки плевать на это хотели.

— Это твои гены сделали нас гениями, мам, — вмешался Питер. — От папы мы ничего такого унаследовать не могли.

— Я все слышу, — отозвался отец, не поднимая головы от сводки новостей, которую стол, как обычно, показывал за завтраком.

— Шутка не сработала бы, если б ты не слышал.

Стол загудел: кто-то пришел.

— Кто это? — спросила мать.

Отец нажал клавишу, и на видеоэкране появился человек. Он был одет в военную форму, в единственную форму, которая еще что-то значила, — в комбинезон МФ, Международного флота.

— А я думал, все кончилось, — вздохнул отец.

Питер ничего не сказал, только щедро полил молоком овсянку. «Может, теперь не нужно будет сегодня идти в школу?» — подумал Эндер.

Отец приказал двери открыться и встал из-за стола.

— Я разберусь, — сказал он. — Ешьте.

Все остались на месте, но есть никто не стал. Через несколько минут отец возвратился в столовую, подошел к матери и увел ее с собой.

— Ты в большой глубокой луже, — сообщил Питер. — Они пронюхали, что ты сделал с этим Стилсоном, и собираются загнать тебя в тюрьму на астероиды.

— Мне только шесть, идиот. Я несовершеннолетний.

— Ты Третий, жаба. У тебя вообще нет прав.

Вошла Валентина. Растрепанные со сна волосы окружали ее лицо, словно нимб.

— А где папа и мама? Я сегодня слишком больна, чтобы идти в школу.

— Еще один устный экзамен, да? — развеселился Питер. — А знаешь, как «устный» по-латински? Оральный.

— Заткнись, Питер, — вяло огрызнулась Валентина.

— Ты должна расслабиться и получать удовольствие, — ответил Питер. — Ведь могло быть хуже.

— Не знаю, куда уж хуже.

— Это мог быть анальный экзамен.

— Ха-ха, — ответила Валентина. — Так где все-таки папа с мамой?

— Беседуют с парнем из МФ.

Инстинктивно она сразу повернулась к Эндеру. Ведь столько лет они ждали: придет кто-то и скажет, что Эндер прошел, что Эндер нужен.

— Да, да, посмотри на него, — сказал Питер. — Но ты знаешь, это ведь могу быть и я. До них могло дойти наконец, что из нашей семейки я самый лучший. — Питер был явно задет, а потому, как обычно, превратился в настоящую язву.

Дверь распахнулась.

— Эндер, — позвал отец, — пойди-ка сюда.

— Извини, Питер, — поддразнила Валентина.

Отец покачал головой:

— Дети, это не повод для шуток.

Эндер поплелся за отцом в прихожую. Когда они вошли, офицер Международного флота встал, но руку Эндеру не протянул.

Мать нервно крутила на пальце обручальное кольцо.

— Эндрю, — начала она, — вот уж никогда не думала, что ты способен затеять драку.

— Этот мальчик, Стилсон, сейчас в больнице, — продолжил отец. — Ты хорошо над ним поработал. Бить человека ногами, Эндер... Не думаю, что это было честно.

Эндер покачал головой. Он ожидал, что по поводу Стилсона придет кто-нибудь из школы, но уж никак не офицер флота. Все оказалось куда серьезнее, чем он рассчитывал, однако другого выхода у него просто не было.

— Молодой человек, можете ли вы как-то объяснить свое поведение? — спросил офицер.

Эндер снова покачал головой. Он не знал, что ответить, боялся быть откровенным, боялся, что его слова покажутся еще более чудовищными, чем действия. «Я согласен на любое наказание, — подумал он. — И давайте покончим с этим».

— Мы готовы рассмотреть смягчающие обстоятельства, — сказал офицер. — Но, должен заметить, вы проявили себя нелучшим образом. Пинать в пах, бить ногами по лицу, по телу, когда он уже валялся на земле... Все выглядит так, будто вы получали удовольствие. Будто вам нравилось.

— Это не так, — прошептал Эндер.

— Тогда почему вы это делали?

— Там была его банда, — попытался объяснить Эндер.

— Ну? И это вас оправдывает?

— Нет.

— Объясните, почему вы продолжали его бить, причем ногами. Ведь вы уже победили.

— Когда я спибу его, то выиграл лишь первый бой. А я хотел выиграть и все остальные, тут же, на месте, чтобы меня оставили в покое.

Эндер ничего не мог с собой поделаться: ему было слишком страшно, слишком стыдно за себя, он пытался сдержаться, но снова зарыдал. Он не любил плакать и плакал редко, а теперь — меньше чем за сутки — уже в третий раз. И каждый следующий раз был все хуже. Расплакаться перед матерью и отцом, перед этим военным — это просто ужасно.

— Вы забрали у меня монитор, — всхлипнул Эндер. — Я должен был позаботиться о себе!

— Но ты мог бы попросить помощи у кого-то из взрослых... — начал отец.

Вдруг офицер встал, пересек прихожую, подошел к Эндеру и протянул ему руку:

— Мое имя Графф, Эндер. Полковник Хайрам Графф. Я заведу начальным обучением в Боевой школе в Поясе астероидов. Я пришел, чтобы пригласить тебя поступить в эту школу.

После всего...

— Но монитор...

— Последняя стадия тестирования — то, как ты поведешь себя, если забрать монитор. Мы не всегда прибегаем к такому, но в твоём случае...

— И он прошел? — Мать скептически посмотрела на Граффа. — Прогшел, отправив другого мальчика на больничную койку? А что бы вы сделали, если бы Эндрю убил его, — дали б моему сыну медаль?

— Не так важно, что он сделал, миссис Виггин, важнее — почему. — Полковник Графф протянул ей папку, набитую бумагами. — Здесь все, что требуется. Ваш сын получил «добро» Отборочной комиссии Международного флота. Конечно, у нас есть ваше письменное согласие, полученное в тот день, когда подтвердили зачатие, иначе мальчику бы вообще не позволили родиться. С самого рождения он принадлежал нам. И он нам подходит.

Когда отец заговорил, его голос дрожал:

— Это жестоко с вашей стороны — дать нам понять, что вы в нем не нуждаетесь, а потом вот так прийти и забрать.

— И эта шарада с мальчиком Стилсонов, — добавила мать.

— Это не шарада, миссис Виггин. Пока мы не знали, что двигало Эндером, мы не могли быть уверены, что он не еще один... В общем, мы хотели понять смысл его действий. Вернее, то, какой смысл в них вкладывал сам Эндер.

— Почему вы называете его этим дурацким прозвищем? —
Мать заплакала.

— Он сам себя так называет.

— Что вы собираетесь делать, полковник Графф? — спросил
отец. — Просто заберете его и выйдете с ним за дверь?

— Это зависит от многого, — пожал плечами Графф.

— Например?

— Например, от того, захочет ли Эндер пойти со мной.

Плач матери перешел в горький смех.

— Так он может решать сам? Как это мило с вашей стороны!

— Вы двое сделали свой выбор, когда Эндер был зачат. Но сам
мальчик еще не мог выбирать. Мобилизованные становятся хоро-
шим пушечным мясом, но офицеров мы набираем только из доб-
ровольцев.

— Офицеров? — переспросил Эндер.

И при звуке его голоса все остальные замолчали.

— Да, — кивнул Графф. — В Боевой школе учатся будущие ка-
питаны космических кораблей, коммодоры флотилий и адмиралы
флота.

— Не обманывайте ребенка! — рассердился отец. — Сколько
мальчишек из вашей Боевой школы действительно поднимается на
капитанский мостик?

— К сожалению, мистер Виггин, это секретная информация.
Но я могу уверить вас, что ни один из ребят, продержавшихся
в школе первый год, не остался без офицерского чина. И ни один
не занимал должности ниже первого помощника капитана межплан-
нетного корабля. А это очень большая честь, даже если служить
в частях обороны в пределах нашей собственной Солнечной сис-
темы.

— И скольким удастся продержаться первый год? — нетерпели-
во спросил Эндер.

— Всем, кто этого хочет, — ответил Графф.

Эндер чуть не сказал: «Я хочу». Но тут же прикусил язык. Ко-
нечно, хорошо больше не ходить в школу, но это не главное: в шко-
ле скоро все образуется. Но избавиться от Питера — вот это уже
серьезнее, может, это вообще вопрос жизни и смерти! Только как
оставить маму и папу... А Валентину... Стать солдатом? Эндер не
любил драться. Ему не нравился стиль Питера — сильный против
слабого, но и его собственный — умный против глупого — не нра-
вился тоже.

— Я думаю, — сказал Графф, — нам с Эндером стоит погово-
рить наедине.

— Нет, — отрезал отец.

— Я не заберу его, не дав вам еще раз увидеть его, — пообещал Графф. — И на самом деле воспрепятствовать мне вы не можете.

Несколько секунд отец враждебно смотрел на Граффа, потом встал и вышел. Мать задержалась на секунду, чтобы сжать руку Эндера. Выходя, она закрыла за собой дверь.

— Эндер, — начал Графф, — если ты пойдешь со мной, ты долго, очень долго не сможешь вернуться домой. В Боевой школе нет каникул. И туда не пускают посетителей. Полный курс обучения закончится, когда тебе будет шестнадцать лет, а первый отпуск ты получишь, и то при определенных обстоятельствах, когда тебе исполнится двенадцать. Поверь мне, Эндер, за шесть, за десять лет люди меняются. Твоя сестра Валентина станет взрослой женщиной, когда ты увидишь ее снова, если, конечно, пойдешь со мной. Вы встретитесь как два незнакомца. Ты все еще будешь любить ее, Эндер, но это будет абсолютно незнакомый тебе человек. Видишь, я даже не пытаюсь убедить тебя, что это легко.

— А что насчет мамы и папы?

— Я знаю тебя, Эндер, я внимательно познакомился с записями твоего монитора. Ты не будешь скучать по своим родителям, то есть будешь, но недолго. И они так же быстро забудут тебя.

Вопреки желанию Эндера слезы снова подступили к его глазам. Он отвернулся, но не стал поднимать руки, чтобы вытереть их.

— Они очень любят тебя, Эндер. Но ты должен понять, чего им стоила твоя жизнь. Ты ведь знаешь, они оба из религиозных семей. Твоего отца при крещении нарекли именем Ян Павел Вечорек. Он католик. И седьмой сын из девяти.

«Девять детей. Невозможно. Преступно».

— Хм, да. Так вот, люди совершают странные поступки ради религии. Ты знаешь про санкции, Эндер. Тогда они были не такими суровыми, но все же. Только первые два ребенка получали бесплатное образование, а с каждым новым ребенком возрастали налоги. Когда твоему отцу исполнилось шестнадцать, он воспользовался Законом о неподчинившихся семьях, чтобы оставить свою семью, изменил имя и фамилию, отрекся от своей религии и поклялся никогда не иметь более позволенных двух детей. И клялся он от чистого сердца. Он не хотел, чтобы и его детям пришлось пройти через тот стыд, те преследования, которые ему довелось пережить. Ты понимаешь?

— Он не хотел меня.

— Ну, видишь ли, в наши времена никто не хочет Третьего. Было бы странно, если бы тебе так уж обрадовались. Но твои отец и мать — особый случай. Они оба отреклись от веры своих отцов

(твоя мать была из мормонов), но их чувства все еще амбивалентны. Ты знаешь, что значит «амбивалентны»?

— Работают в обе стороны.

— Они стыдятся того, что происходят из неподчинившихся семей, и скрывают это. Очень-очень стыдятся. Твоя мать даже боится говорить при посторонних, что родилась в штате Юта, — а вдруг ее в чем-то заподозрят? Твой отец отрицает свои польские корни, потому что Польша до сих пор неподчинившаяся нация, и к ней применяются из-за этого международные санкции. Так что, как понимаешь, третий ребенок, пусть даже рожденный по прямому распоряжению правительства, полностью разрушает здание, которое они пытаются возвести.

— Понимаю.

— Но на самом деле все еще более запутано. Твой отец назвал вас в честь католических святых. По сути дела, он даже сам крестил вас, всех троих, как только вас привезли из роддома домой. А твоя мать возражала. Они каждый раз ссорились из-за этого. Не потому, что она не хотела, чтобы вас крестили, а потому, что была против католического обряда. Они не смогли по-настоящему отказаться от своей религии. И ты стал символом их гордости: они сумели обойти закон и родить третьего ребенка. Но ты также и напоминаешь об их трусости: они не решились на неподчинение, которое все еще считают правильным, и не стали рожать дальше. А еще ты — причина их дискомфорта, так как мешаешь им прижиться в нормальном законопослушном обществе.

— Откуда вы все это знаете?

— Твои брат и сестра носили мониторы, Эндер. Ты не представляешь себе, насколько это чувствительный прибор. Мы подключаемся прямо к твоему мозгу и слышим все, что слышишь ты, даже если ты в этот момент не участвуешь в происходящем. Но мы участвуем.

— Значит, мои родители и любят и не любят меня?

— Они любят тебя. Вопрос в том, хотят ли они жить рядом с тобой. Твое присутствие в доме — это повод для постоянного беспокойства. Источник напряжения. Понимаешь?

— Но я не виноват.

— Конечно. Тут дело не в том, как ты себя ведешь, а в том, что ты есть. Брат ненавидит тебя, ведь ты живое доказательство того, что он недостаточно хорош. Родители стыдятся тебя, ибо ты олицетворяешь прошлое, от которого они пытаются отречься.

— Валентина любит меня.

— Всем сердцем. Полностью, незамутненно. Она предана тебе, а ты обожаешь ее. Я говорил, что это будет нелегко.

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРА ЭНДЕРА. Роман. <i>Перевод Е. Михайлик</i>	5
ГОВОРЯЩИЙ ОТ ИМЕНИ МЕРТВЫХ. Роман <i>Перевод Е. Михайлик</i>	269
РАССКАЗЫ	
Тюрьма Мэйзера. <i>Перевод К. Плешкова</i>	603
Война даров. <i>Перевод К. Плешкова</i>	625
Советник по инвестициям. <i>Перевод К. Плешкова</i>	679
Ренегат. <i>Перевод К. Плешкова</i>	706

Литературно-художественное издание

ОРСОН СКОТТ КАРД
ИГРА ЭНДЕРА
ГОВОРЯЩИЙ ОТ ИМЕНИ МЕРТВЫХ
РАССКАЗЫ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова,
Светлана Федорова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.01.2020. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 60,63. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

C-MFD-26141-01-R